

18+

Ирина Батый

**Поэзия
и грусть
садов
Петербурга**

Стихи

Ирина Батый
Поэзия и грусть садов
Петербурга. Стихи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51937779
ISBN 9785449857699*

Аннотация

Все поэмы и стихотворения, собранные в этой книге, ранее были напечатаны в журнале «Природа и Человек. XXI век» (г. Москва) в 2008—2015 гг., а отдельные стихотворения и в других центральных газетах и журналах. Читателю предлагается увлекательное путешествие по петербургским садам – автор как экскурсовод расскажет историю их создания, объяснит символику садов. С искренней любовью к Петербургу написаны строки стихотворений.

Содержание

ПОЭЗИЯ И ГРУСТЬ САДОВ ПЕТЕРБУРГА	6
В Питере	7
В Петровском парке острова Кронштадт	9
Белые ночи в Петербурге	16
В Александровском саду Петербурга	18
Петунии на Невском проспекте	25
В Михайловском саду Петербурга	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Поэзия и грусть садов Петербурга

Стихи

Ирина Батый

© Ирина Батый, 2020

ISBN 978-5-4498-5769-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЭЗИЯ И ГРУСТЬ САДОВ ПЕТЕРБУРГА. Сборник стихотворений

Все поэмы и стихотворения, собранные в этой книге, ранее были напечатаны в журнале «Природа и Человек. XXI век» (г. Москва) в 2008—2015 гг., а отдельные стихи и в других газетах и журналах. Читателю предлагается увлекательное путешествие по петербургским садам – автор как экскурсовод расскажет историю их создания, объяснит символику садов. С искренней любовью к Петербургу написаны строки стихотворений.

©стихи Батый И. М.

Обложка: Ridero.

Выпущено в авторской редакции.

В книге использованы авторские и бесплатные фото.

ПОЭЗИЯ И ГРУСТЬ САДОВ ПЕТЕРБУРГА

Статуя Флоры в Санкт-Петербурге

В Питере

А на Васильевском – трамвайчики звенят.
А на Васильевском – десяток Линий в ряд.
С залива ветер и опять идут дожди.
Ты у метро меня под зонтиком дождись!

В домах приземистых в ночи огни горят.
И репродукторы невнятно говорят.
Под песни Баскова, младенца плач и брань
всё водку пьют в квартирах пары Зин и Вань.

Опасно в Питере... Со мною ты. Не бойсь!
По лужам шлёпаем. Простужены насквозь.
Предатель-эхо вторит без обиняков
в аркаде врат пугливый цокот каблуков.

В колодце дома бьётся ветер в западне,
листву пожухлую кружит на самом дне.
Пришли. И что же это, если не любовь,
коль провожаешь ты до дому вновь и вновь?

В Петровском парке острова Кронштадт

ПОЭМА

Часть 1. Кронштадт основан был Петром Великим

Когда на берегах Невы студёной
основывался чудный град Петров,
то с моря на царя швед обзлѣнный
ударить ежечасно был готов.

На подступах к столице упреждая
армады вражьих кораблей набег,
на острове Котлин царь учреждает
вал крепостной, усиливает брег.

Флот молодой палит из пушек в шведа.
Царь Пётр из брёвен крепость громоздит.
Отвергнув притязания соседа,
уж сам ему снарядами грозит.
Ядро чугунное летит из пушки
и достигает доски корабля.
Даст прикурить, как табака понюшку,
врагов заклятых и дразня, и зля.

Года спустя одета крепость в камень,
грозит проезжим пушек чугуном,

выискивает в моря панораме
врагов, глядит вдаль букой, молчуном.
Суровый воин дик и неопрятен,
нет украшений на берегах его.
Что ж, океан велик и необъятен,
волной с песка сметает сор легко.

Часть 2. Беллинсгаузен Фаддей – знаменит среди людей

О сколько Беллинсгаузен Фаддей,
известный в целом мире адмирал,
душою выше множества людей!
Когда на грязь ужасную взирал
на острове, ему подвластном,
о средствах денежных просил казну.
Мольбам его не вняли безучастно,
пришлось ему трясти свою мошну.

Он тратил все доходы небольшие
на благо подчинённых, не себе:
дороги камнем замостил, расширил
на берегу удобное каре,
устроил некое подобье сада
на месте прежде бывших тут болот.
Потомков память – добрая награда
за множество об острове забот.

Пускай не скоро высохло болото,
опоры не давая для корней!

Пускай ветра тут дуют аж до чёрта,
стволы сгибая и лишая их ветвей!
Заложен Беллинсгаузенем Фаддеем
сей парк, стоит уж больше сотни лет.
О места красоте с тех пор радели,
и потому ему извода нет.

Часть 3. Не равны условия для разных сословий

К хорошему толпа привыкла скоро
и жизнь свою без парка и не мнит.
Идут работы садоводов споро,
в ветвях деревьев ветерок звенит.
А с высоты на их ряды взирает
чугунный Пётр, торжественен и строг.
Доволен он, что парк, кусочек Рая,
украсил зело острова острог.

А жизнь людей идёт своим укладом,
не лучшим нравам всё подчинено.
Богатые простым, увы, не рады!
Вот отчего в саду поделено
пространство надвое тут по приказу.
Чтоб наслаждаясь видом на моря,
богатые не зрели чернь ни разу,
лишь пушки, ядра, мачты, якоря!

На входе у блюстителей порядка
намётан был на сортировке глаз —

вот подошла служанка, вот – дворянка.
За целый день так больше сотни раз.
И лишь на пристани, посередине
все вместе провожали корабли —
взмывали паруса на бригантине
и в неизвестность, вдаль куда-то шли.

Часть 4. В парке Свободы смяты газоны

И вот в семнадцатом году случилось —
не стало на Руси былых господ.
Богатые попали все в немилость,
а бедняки дорвались до свобод.
Петровский парк отныне парк Свободы,
раз так, то и не тратили труда
на каждодневные о нём заботы
и даром приходили все туда.

И что же? Вскоре истоптали травы
и ободрали пышные кусты.
О времена! О низменные нравы!
И вот уж нет в том парке красоты.
Поломаны скамейки и беседки,
повсюду мусор, надписи и грязь.
Средь пьяных безобразники не редки,
а раз свобода, гадят не таясь.

Чтоб навести порядок в заведении,
туда пришёл хозяином матрос —
пример подать пристойным поведением,

защитой быть от хамов и угроз.
Укоренялась в идеалы вера,
в Советах лучшим должен стать народ.
А чтоб во всём достаток был у «мэра»,
то в парке плату стали брать за вход.

Часть 5. Военная пора, разящие удары

Когда в двадцатом веке на Россию
надвинулась германская орда
принявших ложно «зверя» за мессию,
Петровский парк не минула беда.
Свирепые нападki оголтелых
бомбометателей с небес терпя,
лишился многого в своих пределах —
о павших, искалеченных скорбя.

Равно и люди, и деревья в парке
снарядами бывали сражены —
на землю брошены их взрывом ярким,
посечены, огнём опалены.
Бойцы дотоль из пушек отвечали,
зарывшись в парке, целясь на врага,
пока не стали голубыми дали,
пока не стала высь их глубока.

Едва закончилась война повсюду,
предвидя мир на долгие года,
желая скрасить жизнь простому люду
взялись и за культуру в городах.

В Петровском парке все от бомб воронки
засыпали песком, сравнив с землёй.
Вкопали сотни две росточков тонких
на месте искалеченных войной.

Часть 6. Приблизился к Кронштадту Петербург

Год ныне юбилейный у Кронштадта,
гостей встречает и Петровский сад.
В нём всё в порядке, всё стоит как надо,
и деревца растут среди оград.
Всё также корабли видны на рейде,
чеканит шаг по пристани матрос.
Вы не бывали там, так мне поверьте,
парк в вышину и вглубь ещё подрос.

Подсыпали землицы на болото
и насадили вдоль аллей цветы.
Деревья кронами с большой заботой
людей скрывают от ветров седых.
А коли выйти к морю вам из парка,
туда, где волны бьются о гранит,
то на причале уж не будет жарко,
зато откроется чудесный вид.

Издалека, всегда в туманной дымке,
приблизился к Кронштадту Петербург —
величественно, плавно, без ужимок
две дамбы протянул как пару рук.
Уж не упустит, не уступит шведу

сокровище кронштадтское своё.

А я надеюсь, что, даст Бог, приеду
туда, где в полдень в парке пушка бьёт.

Белые ночи в Петербурге

В Питере – лето! Выбелен светом, дымкой обвит.
Столь энергичный город столичный спит и не спит.
Окна промыты, ставни закрыты, нет в них огня.
В грёзах витает и ожидает нового дня.

В серых громадах выспаться б рады, вот тебе крест!
В Питере ж ночью видно воочию местность окрест.
Как на картине. Нет и в помине дня. Где же ночь?
В сумраке белом ночь улетела, крадучись, прочь.

Что же за сила ночь прочь сманила? Как так, Бог весть,
Бегство случилось? Эта немилость питерцам – месьть?
Люди не могут сутках подолгу быть в суете.
Выспаться рады, но к их досаде, не в темноте!

Под небосводом суша и воды. Свет тут и тень,
что вновь истает, лишь рассветает призрачный день.
День без начала, здесь у причала, верю – придёт.
Из океана к суше пристанет как пароход.

Белые ночи станут короче. Ну, а пока
Светится что-то, как позолота сквозь облака.

В Александровском саду Петербурга

ПОЭМА

Часть 1. У ворот сада

С начала Невского проспекта я пришла
в тот сад, ладонями дворцов зажатый.
Его, по случаю, уместным я сочла
приветствовать строкой витиеватой:
– О, сад! Вступая на тропу твою,
пересекая край зелёной тени,
судьбу смиренно я благодарю
за данную мне меру наслаждений!

В многоголосье крон твоих густых
рас слышу я Весне благословенье.
Здесь даже приземлённые кусты
готовятся украсить мир цветеньем.
Как солнце светит в небе голубом
сегодня, словно в первый день творенья!
Огонь рассыпан искрами кругом,
тревожа и взывая к пробуждёнью.

Повсюду побежали токи вод,
питая, увлажняя всё живое:

траву, цветы, деревья, в свой черёд.
За ними, торопясь, всё остальное.
Из вод и праха делает замес
и лепит Бог нам новые творенья.
Смотрите, много подлинных чудес
являют в Александровском растенья!

Часть 2. Зелёное царство

Не зря на входе – Флоре монумент.
Растений много тут разнообразных.
Всё, чем богат обширный континент,
представлено с усиьем не напрасным.
Пусть не сравним с садами дальних стран,
нет фальши в украшенья нарочитом.
Приятен сад для взоров горожан,
тех, что идут зелёным лабиринтом.

Он нужен им как свежести глоток,
оазис посреди пустыни камня.
И потому бесчисленный поток
не иссякаем, как и в прошлом давнем.
Поверить сложно, что столетья тут
паслись коровы мирно в чистом поле.
Иль возвышался надо рвом редут,
когда Великий Пётр был на престоле.

С открытия прошло уж много лет,
есть долгожители в зелёном царстве.
Цветов, кустов, деревьев царственный букет —

один из лучших в нашем государстве.
Что ж, уделим внимание своё
мы в Александровском саду красотам.
Не полетим стремительным копьём,
пойдём пешком, неспешно и с охотой.

Часть 3. Взгляд на мир из сада

В нём очутившись, мы глядим на мир
из фокуса его зрачков иначе.

Мы, будто б, не затянуты в мундир
и не закованы в броню, тем паче.

К природе райской приближает сад
и оголяет душу. Без «одежды»
мы человечней, лучше во сто крат,
зовёмся – Ева и Адам, как прежде.

Глядим и видим: ширь и высоту,
везде без края и конца – движенье,
и добрый свет, и злую темноту,
не столько зрением, сколько разуменьем.

Мы слушаем природы голоса:
журчание воды и ветра вздохи.
Все звуки, будь то – птица иль оса,
и гармоничны, и не так уж плохи.

Смягчается в саду недобрый нрав.
Сменяется настрой на благодушье.
И из гостей окажется тот прав,
кто скажет, Александровский сад лучший!

Благой характер сада распознав,
мы покоряемся ему вполне охотно.
И даже нагулявшись и устав,
счёт не ведём минутам беззаботным.

Часть 4. Следы на дорожках в саду

Приходишь в сад и видишь центр Всего,
пересечение дорог столь разных,
что оземь – низко, в Небе – высоко,
но одинаково для нас опасных.
Без помощи приходится идти
мучительной юдолью людскою.
С рождения до старости брести
с какой-то бесприютною тоскою

Столичный сад! Ты тем и знаменит,
что стал свидетелем немых событий,
с тех пор, как был царём открыт,
столь важных, что и ныне не забыты.
Хранишь ты отпечатки стольких ног!
Ты пережил Октябрьский бунт, Блокаду!
Но рано подводить судьбе итог
и нам, и Александровскому саду.

Ещё возможность есть оставить след
на гравии твоих дорожек,
тебе, как другу, прошептать секрет
у множества приветливых прохожих.
Пусть время убегает прочь от нас,

как воды струй у местного фонтана.
Какой бы не был в Петербурге час,
нам расставаться, сад, ей Богу, рано!

Часть 5. Вспоминая Данте

О, ныне, в Александровском саду,
тропу, как жизнь, пройдя до половины,
я, несомненно, ближе к вечному суду:
ужасные мне видятся картины
в густых тенях. Старинные дубы
здесь затмевают кроною светило.
О, также мы грехов своих рабы,
их мрачная череда нам Свет затмила.

И, проходя аллею в саду,
к весеннему лучу стремлюсь неволью.
Ведь жизни путь прошёл как бы в чаду,
оглядываться на него так больно!
Но долгий страх превозмогла душа,
измученная жизнью безысходной.
И, новую надеждою дыша,
почувствовала вдруг себя свободной.

О, сад, ты дал в пути передохнуть!
Ты дал пример мне мужества в опору!
Ты дал мне вдаль с надеждою взглянуть!
Ты дал мне силы подниматься в гору!
Тому порукою герой Геракл,
не зря в саду стоит его фигура.

В пример нам подвиги его труда и драк
столетия твердит и чтит Культура.

Часть 6. На выходе

У сада на границах по краям
поребрик есть, отсутствует ограда.
Но нет идущих прямо там и сям,
лишь по дорожкам к выходу из сада.
Когда прощалась мысленно я с ним,
почудился мне за спиною Ангел —
край глаза уловил сиянья нимб.
О, это кто-то был в высоком ранге!

Но, обернувшись, встретила я взгляд
лишь петербургского интеллигента.
Ужели Ангел? Ведь его наряд
венчает зонт да плащик из брезента.
И, кстати, от чего он так сутул?
Сидел всю жизнь над грудой книжек,
погоню за рублём и суету
считал других достоинств много ниже?

Быть может, это крылья за спиной?
Его собрата на столпе Александринском
расправлены, дивя нас шириной,
как высью Исаакий исполинский.
О, посмотрите, в высоте и там
фигуры ангелов нас привечают.
Наш путь земной, речной и по мостам

своим благословением венчают.

Петунии на Невском проспекте

В каменной одежде Питера персона.
Днём, взамен горящего в ночи неона
на проспекте Невском – яркие вазоны.
О, для украшения есть всегда резоны.

Звёздочки цветные венчиков Петунии
распахнулись в вазах словно рты болтуний.
Что, благоухая, запахом дурманят
и, слегка кивая, манят, манят, манят.

В вазе-будуаре цветики толпятся.
Людам с тротуара полюбиться тщатся.
Крики их беззвучны, выпрыгнуть – бессильны.
Стоя неподвижно, лишь глядят умильно.

Сонных горожан встречают каждым утром,
что бегут куда-то, тем не менее, шустро.
Съёжившись в дожди, в жару раскрывшись томно,
милые Петунии – светлые на тёмном.

В каменной одежде Питера персона.
Выглядит богато он, определённо.
И как украшение его наряда,
видно, неспроста, Петунии, вы взяты.

В Михайловском саду Петербурга

ПОЭМА

Он не зря зовётся – Петербургский сад!
Трудно в нём застать хорошую погоду.
Он как будто посетителям не рад.
Неприветливому городу в угоду
нынче холодно в Михайловском саду.
Ветер хлёсткий в лабиринте троп гуляет.
Липы, что аллеяками бегут к пруду,
медоносные бутоны осыпают.

Как же коротка цветения пора
в небогатой на тепло и свет долине.
Мало люди добывают на-гора
солнечных лучей, увязнувших в трясине.
Насладиться чудным запахом цветов
есть у горожан лишь краткое мгновенье.
Но для тех, кто к встрече не готов,
мимо пронесётся лето, к сожаленью.

Лето движется во времени, бежит.
Этот бег с недоумением наблюдаю.
для чего оно так к выходу спешит?
Безответно я пространство вопрошаю.
Для чего спешит покинуть отчий край,

Оставляя нам туманы и прохладу,
унося с собою милый сердцу Рай?
Мёртвый, зимний сад подобен в чём-то Аду.

Ведь и так несовершенен этот мир.
Доказательства? Есть множество примеров!
Не похожа жизнь людей на лёгкий пир:
тяжела она, назойлива не в меру.
Верно, для того и этот старый сад,
чтоб могли утешиться в душе немного
люди, долго терпящие жизни Ад,
ищущие мир отличного, иного.

Летом карнавал в Михайловском саду.
Жмутся клумбы, полные цветов, к тропинкам.
Стаи птиц танцуют самбу на лету.
С крон спадают серебристые дождевики.
Шум дорог доносится из-за оград.
Тишины нет и в самом зелёном царстве.
Топот резвых ног и крики невпопад,
смех и песни полнят праздника богатство.

Хорошо быть вместе, прочь убрав барьер.
Пусть и понарошку всё, как в балагане.
И примерить маски – «Дама», «Кавалер» —
главных лиц в утопии, в самообмане.
Как в театр прийти из жизни не смешной
и провозгласить местечко – райским!
В пьесе, что дают здесь, позитив сплошной.

На кулисах – старый сад в цветенье майском.

Если сбросить оземь гнёта вертикаль,
позабыв заботы, утереть с глаз слёзы,
в райском месте всё – не страшно и не жаль,
и смешными кажутся угрозы.

К вольной жизни всех уводит лабиринт
вдоль закрученных по саду линий.
Этого аттракциона мирный вид
служит словно бы сюжетом для картины.

Из Музея, оторвавшись от картин,
в окна смотрят люди на красоты сада.
Рвение художников достичь вершин —
очевидная для них, пустая трата.
Разве можно красками отобразить
прелесть совершенного, живого мира?
Невозможно душу в копии явить,
разве только слабо очертить пунктиром.

Все картины в Русском говорят о нём:
об утраченном давно цветущем Рае.
Рай присутствует в сюжетах как фантом —
даже в городе, где зло преобладает.
О, душа тоскует в городской среде,
ведь имеет камень серые оттенки.
Их унылости не рада как беде
и спешит раскрасить каменные стенки.

Много тратит сил, старания, ума
на художества унылый человек.
У богатых для затей есть денег тьма.
В этом убеждает нас ушедший век.
Чем знатней строитель, тем чудней проект,
он тяжеловесней, шире, круче ввысь.
Словно требует от прочих лиц респект
к тем, кто на вершину забрались.

Замок, ярко выкрашенный в красный цвет,
высится в соседстве с садом пирамидой.
Бедный Павел! И спустя две сотни лет
участь горькая страдальца не забыта.
Стоило ли строить каменный дворец,
на манер средневековых замков,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.